

«Вывод к наилучшему объяснению» как методология социальной онтологии

ВАЛЕРИЙ С. ШЕВЧЕНКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5040-8897

<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-4-122-140>

122

Рекомендация для цитирования:
Шевченко В. С. (2023) «Вывод к наилучшему объяснению» как методология социальной онтологии. *Социология власти*, 35 (4): 122–140.

For citations:
Shevchenko V. S. (2023) “Inference to the Best Explanation” As a Methodology of Social Ontology. *Sociology of Power*, 35 (4): 122–140.

Поступила в редакцию: 04.10.2023;
принята в печать: 19.11.2023
Received: 04.10.2023; Accepted for publication: 19.11.2023

Copyright: © 2023 by the author.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме:

В статье рассматривается проблема натуралистической методологии социальной онтологии. Следуя анализу Кэтрин Хоули (2018), автор рассматривает три подхода: концептуальный анализ, амелиоративный (или нормативный) подход и вывод к наилучшему объяснению (от лучшей социальной науки к социальной онтологии). Хоули заключает, что только первые два могут обеспечить жизнеспособную натуралистическую социальную метафизику, а последний — нет. Автор, опираясь на идею натуралистических ограничений социальной онтологии, показывает, что лишь вывод к наилучшему объяснению способен привести к непротиворечивой реалистической социальной онтологии, поскольку эта методология избегает проблемы укорененности в понятиях, не имеющих эмпирического основания, что противоречит реализму, а также не предполагает нормативной прескрипции, также противоречащей реалистическому описанию мира. Проблему, приписываемую критиками выводу к наилучшему объяснению — нехватку предсказательно сильного теоретического ядра социальной теории, из которого происходит вывод к социальной онтологии, — можно решить путем удовлетворения трех критериев, согласно мысли Стивена Тёрнера (2007): физической реализуемости, вычислимости и когнитивного реализма. Автор предлагает реализовать их через внедрение натуралисти-

ческих ограничений в теорию игр. Формальные модели координации, описываемые коррелированным равновесием, вкупе с эволюционными объяснениями когнитивных механизмов, ответственных за причинные процессы, делающие формально описываемую координацию возможной, могут послужить искомым теоретическим ядром, из которого можно вывести онтологию.

Ключевые слова: социальная онтология, вывод к наилучшему объяснению, методология социальной науки, научный реализм, теория игр, эволюционные объяснения, социальная координация

Valerii S. Shevchenko

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5040-8897

“Inference to the Best Explanation” as a Methodology of Social Ontology

Abstract:

The article discusses the problem of the naturalistic methodology of social ontology. Following Katherine Hawley's (2018) analysis, the author considers three approaches: conceptual analysis, the ameliorative (or normative) approach, and inference to the best explanation (from best social science to social ontology). Hawley concludes that only the first two can provide a viable naturalistic social metaphysics, and the latter cannot. The author, drawing on the notion of naturalistic limitations of social ontology, shows that only a conclusion to the best explanation can lead to a consistent realistic social ontology; this methodology avoids the problem of being rooted in concepts that do not have an empirical basis, which contradicts realism, and also does not imply normative prescription, which also contradicts the realistic description of the world. The problem critics attribute to inference to the best explanation — the lack of a predictively strong theoretical core of social theory from which to infer social ontology — can be resolved by satisfying three criteria (Turner, 2007): physical realizability, computability, and cognitive realism. The author proposes to implement them through the introduction of naturalistic restrictions into game theory. Formal models of coordination described by a correlated equilibrium — coupled with evolutionary explanations of the cognitive mechanisms responsible for the causal processes that make formally described coordination possible — may provide the desired theoretical core from which ontology can be derived.

123

Keywords: Social ontology, Inference to the best explanation, Methodology of social science, Scientific realism, Game theory, Evolutionary explanations, Social coordination

Введение

Социологические теории, как и теории в других дисциплинах, постулируют наличие определенных сущностей или процес-

сов. Наборы подобных сущностей и процессов часто называют социальной онтологией. Вопрос о социальной онтологии, в свою очередь, предполагает способ ее достижения — на чем основан выбор тех или иных сущностей или процессов, «населяющий» мир социального: это «структуры», «практики», «актанты», «акты коммуникации» или что-то другое. Иначе говоря, нужна методология — отправная точка и ряд логических шагов для достижения постулируемой онтологии.

Хоули [Hawley 2018] оценивает три возможности подобной методологии: концептуальный анализ, амелиоративный (или нормативный) подход и вывод от лучшей социальной науки к социальной онтологии. Она заключает, что только первые два могут обеспечить жизнеспособную натуралистическую социальную метафизику, а последний — нет. Я попытаюсь показать обратное, рассмотрев отношение методологий к реализму и фаллибилизму. Под реализмом в отношении какой-либо сущности я имею в виду ее независимость от разума — тезис о том, что сущности обладают определенными фиксированными свойствами независимо от наших представлений и теорий о них¹. Под фаллибилизмом я подразумеваю позицию, согласно которой наука может ошибаться в отношении структуры мира². В разделах 1–3 рассматриваются три предложенные методологии, в разделе 4 — натуралистические ограничения социальной онтологии как шаг к выводу к наилучшему объяснению.

124

Концептуальный анализ и «Стандартная модель социальной онтологии»

Как указывает Хоули [Hawley 2018], стратегия концептуального анализа социальной онтологии, как видно в работах Гилберт [Gilbert 1992], Сёрла [Searle 1995], Туомела [Tuomela 2002] и других, не обеспечивает жизнеспособной натуралистической социальной онтологии.

Гуала [Guala 2007] называет подход к социальной онтологии, использующий концептуальный анализ, «Стандартной моделью социальной онтологии». Практикующие этот подход начинают с *априорного* теоретизирования, беря концепции, которые они считают важными, и разбивая их на части.

Например, Сёрл спрашивает, возможно ли быть эпистемологически объективным в отношении онтологически субъективных вопросов? Другими словами, как мы можем знать истину о вещах,

---

1 Эта точка зрения удачно выражена в: [Boyd 1983], а относительно социальных наук — в: [Bunge 1993].

2 См.: Guala (2016), гл. 11 для обсуждения фаллибилизма в отношении социальных видов.

существование которых зависит от наших представлений или чувств, например, о деньгах, собственности и браке [Searle 1995]? Анализируя это ортогональное различие онтологии/эпистемологии и объективности/субъективности, Сёрл приходит к идее недостающего ингредиента, который обеспечивает реализм в отношении онтологически субъективных сущностей, а именно конститутивных правил формы «X считается Y в С».

В более общем плане «Стандартная модель» описывает слабо ограниченные индивидуалистические основы социальных явлений и состоит из трех ключевых элементов: рефлексивности, перформативности и коллективной интенциональности, как это описано у Туомелы [Tuomela 2002]. По словам Гуалы, большинство философов, поддерживающих «Стандартную модель», подписываются под всеми тремя.

Рефлексивность — это свойство социальных сущностей состоять в значительной степени из убеждений относительно убеждений. Существуют формулировки рефлексивных убеждений в режиме «я» (I-mode) и в режиме «мы» (we-mode). Некоторые философы говорят, что первоначальные и самые основные убеждения, составляющие «суть» социального, по существу, находятся в режиме «мы» и не сводятся к режиму «я» [Gilbert 1992; Tuomela 2002]. Однако существуют также полностью индивидуалистические описания рефлексивных убеждений, основанные на теории игр [см.: Vicchieri 2005].

125

Перформативность означает, что социальные объекты должны постоянно поддерживаться и могут исполняться или воссоздаваться. Опираясь на исследование перформативности финансовых рынков [MacKenzie 2006], Гуала подчеркивает, что объяснения социальной онтологии на индивидуальном уровне с участием когнитивных механизмов не являются исчерпывающими, поскольку усиление, направление и распространение убеждений являются одинаково важными вопросами для социальной онтологии. Коллективная интенциональность, в свою очередь, представляет собой совместную направленность множества индивидов на какое-то явление, способствующее его конституированию.

Коллективная интенциональность обычно представляют либо как производное от общеизвестных знаний и я-убеждения (I-belief) в форме «каждый знает, что все знают, что P», где P — это некий социальный факт, например, социальная норма, либо как примитивное понятие, что делает общеизвестные знания излишними. Более того, предпринимаются попытки натурализовать коллективную интенциональность, показывая ее несводимость к индивидуальной интенциональности [Gallotti 2012; Rakoczy & Tomasello 2007], но его обсуждение выходит за рамки данной статьи.

Какое отношение имеет «Стандартная модель» и ее метод концептуального анализа к реализму и фаллибилизму? С реалистической точки зрения, как указывает Хоули, эпистемический доступ к социальной реальности не может быть предоставлен только путем анализа концепций, поскольку они могут быть произвольными и не отражать структуру мира. Однако такие понятия, как «совместное обязательство» Гилберт (1992) или «мы-интенция» Туомелы (2002), не являются полностью произвольными, поскольку отражают интуитивные представления о социальном мире. Вот почему, по мнению Хоули, концептуальный анализ более эффективен в контексте философии социальных наук по сравнению с философией естественных наук, поскольку зависимое от разума социальное видится нам, его обитателям, более эпистемически прозрачным, чем независимые от разума материи.

126

Хоули использует аргумент Хакинга для различия интерактивных и индифферентных видов, где первые участвуют в рефлексивных петлях с убеждениями отдельных людей, а вторые нет [Hacking 1999]. Это значит, что наши классификации социального мира помогают установить и поддерживать его, тогда как несоциальные объекты безразличны к нашим классификациям. Они не меняют своего поведения с учетом этих классификаций, в отличие от социальных объектов. Эта идея иллюстрирует понятия рефлексивности и перформативности, характерные для «Стандартной модели». Если социальные сущности состоят из убеждений относительно убеждений, это означает, что их природа зависит от этих убеждений, и если убеждения меняются, соответственно, изменяются и социальные сущности. Если социальные сущности зависят от убеждений о них, необходимо постоянно их исполнять, чтобы поддерживать их. Для этого необходимо, чтобы у людей была коллективная интенциональность в отношении этих убеждений. Например, чтобы деньги были самими собой, необходимо, чтобы соответствующее сообщество коллективно «принимало» (ассерт), что определенные физические объекты могут использоваться в качестве средства обмена.

Три взаимосвязанных понятия: рефлексивность, перформативность и коллективная интенциональность — вместе с методом их достижения — концептуальным анализом — предполагают, что нельзя заблуждаться относительно природы социальных сущностей, ибо они постулируются априорно и основаны на интуитивных понятиях. Следовательно, если эпистемический доступ ограничен, концептуальный анализ не может привести к натуралистической социальной онтологии сам по себе, а нуждается в некотором дополнении. Как резюмирует Хоули, концептуальный анализ по-прежнему остается полезной методологией, если использовать

его с осторожностью, но он не может с уверенностью привести к подлинно натуралистической социальной онтологии.

Амелиоративный подход

Хаслангер [Haslanger 2012] различает концептуальные, описательные и амелиоративные подходы к анализу социальных категорий, таких как «раса», «гендер» и других, которые также можно распространить на институциональные категории вроде «брака», «границ» и других. Она проводит различие между манифестными и оперативными понятиями: первые — это теория, которую люди используют для придания смысла термину, а вторые — практика, связанная с ней.

По мнению Хаслангер, концептуальный подход проливает свет на «наше» (исследователей) манифестное понятие, скажем, «брака», исследуя, чем «мы» его считаем. Манифестное понятие показывает, как различные понимания термина «брак» менялись с течением времени и в зависимости от социальной структуры. Описательный подход ограничивает оперативное понятие «брака», объясняя, где возможно, естественные (химические, биологические, неврологические) ограничения на парадигмальные случаи изучаемого термина. Наконец, амелиоративный подход определяет «наши» цели в отношении этого термина и поясняет, какая концепция будет соответствовать этой цели. Важным дополнением является то, что в последнем случае требуется «нормативный вклад» (normative input).

127

Смысл этого подхода к социальным категориям заключается в том, что если у человека есть описательно точная теория, но ему не нравятся ее нормативные результаты, он имеет право ее отвергнуть. Как отмечает Гуала, Хаслангер выдвигает идею о том, что морально неприемлемые институты могут и должны быть реформированы [Guala 2016: 188]. Однако, как он отмечает, эта позиция находится в противоречии с реализмом, поскольку последний предполагает, что референция категории определяется миром, а не «нами». Недостатком этого подхода является сведение онтологии к политике, а это означает, что нужно обсуждать и сходитьсь на «наших» целях в отношении изучаемого термина, что может быть не самоочевидным и труднодостижимым. Можно сказать, что эта проблема характерна и для других направлений конструктивизма. Например, понятие «онтологической политики» из акторно-сетевой теории [Law 2004; Mol 1999], которое подчеркивает случайность в процессе задействования различных реальностей.

Таким образом, амелиоративный подход, будучи примером конструктивизма, не допускает фаллибилизма, ибо если можно

заблуждаться в действующих и манифестных понятиях социальной категории, то нельзя заблуждаться и в нормативном вкладе. А поскольку нормативность имеет объяснительную важность для амелиоративного подхода, весь подход становится не вполне реалистическим. А нереалистический подход не может привести к натуралистической социальной онтологии.

Вывод к социальной онтологии из социальных наук

Наконец, существует стратегия вывода социальной онтологии из лучших социальных наук, основанная на методе логического вывода к наилучшему объяснению (*inference to the best explanation, IBE*). Чтобы приблизиться к тому, что существует на самом деле, нужны зрелые и предсказательно успешные теории. Эта позиция известна как научный реализм [Chakravartty 2007; Psillos 1999]. Семантически научные теории рассматриваются как истинные описания структуры мира, а это означает, что они могут быть либо истинными, либо ложными, что предполагает фаллибизм, а с метафизической точки зрения реализм рассматривает мир как независимые от разума естественные виды¹.

128

Хоули критикует эту стратегию, поскольку, как она указывает, до сих пор существуют расхождения в парадигмах социальных наук, от рационального выбора до герменевтики и *Verstehen* Вебера. По мнению Хоули, социальные науки не имеют согласованного теоретического ядра, способного генерировать правдоподобные предсказания. Несмотря на несколько опций подобного ядра [см.: Faraо 1989; Gintis & Helbing 2013], они не получили широкого распространения. Наличие предсказательной силы наряду со зрелостью науки является предпосылкой для вывода из научной теории в онтологию, как утверждает Псиллос [Psillos 1999], на которого ссылается Хоули. По ее словам, «не существует социальных аналогов гравитационных волн или бозона Хиггса, которые выводят физику на передний план» [2018: 191].

Стратегия вывода к наилучшему объяснению, которая считается индуктивной демонстрирует направленную связь между социальными науками и социальной онтологией. Однако до сих пор ведутся споры о том, какое направление этой связи «фундаментальнее»:

---

1 Естественные виды — это части мира, естественно сгруппированные вместе, в отличие от классов, которые сгруппированы случайно. См.: [Boyd 1991; Boyd 2021], где представлено понятие естественного вида. В терминах Хаккинга «естественные виды» — это «безразличные», или не интерактивные, менее «подвижные» виды: они не изменяются под воздействием каких-либо факторов.

от априорной философской концептуализации или от генерализации внутринаучных эмпирических и теоретических выводов. Опираясь на работы Эпштейна [Epstein 2015], Лосэ [Lohse 2017] и Сёрла [Searle 2008], Луэр рассматривает и критически оценивает аргумент о том, что социальная онтология предшествует социальной научной методологии, поскольку она может способствовать успеху в предсказании и объяснении, обеспечивая правильное представление о социальной реальности [Lauer 2019]. Например, Сёрл отмечает, что социальная онтология предшествует методологии и теории: «Она первична в том смысле, что, если у вас нет четкого представления о природе явлений, которые вы исследуете, вы вряд ли разработаете правильную методологию и правильный теоретический аппарат для проведения исследования» [Searle 2008: 443]¹. Эпштейн выражает аналогичную обеспокоенность: «Онтология имеет разветвления, а онтологические ошибки приводят к ошибкам научным. Утверждения о природе сущностей в науке — о том, как они составлены, о сущностях, от которых они онтологически зависят — вплетены в модели науки» [2015: 127]. Онтология влияет на методологию в смысле определения соответствующих аспектов рассматриваемого явления, которые влияют на подход к нему. Однако априорно определить эти аспекты сложно. Социальная онтология может и не предшествовать социальной методологии, поскольку соответствующие аспекты явлений подлежат эмпирической проверке, и это применимо и к социальной науке.

129

Литтл [Little 2020] отвергает априорную позицию и утверждает, что социальная онтология не может быть построена на неэмпирических основаниях. В отличие от Луэра, Эпштейна и Сёрла, он считает, что социальная онтология — это наиболее абстрактная область социально-научных теоретизирований и что она итеративно связана с эмпирическими исследованиями и формированием теорий. Эта позиция предполагает тот же индуктивный процесс, что и в естественных науках, и поддерживает вывод от социальных наук к социальной онтологии. Однако Литтл явно отвергает «единство научной онтологии», подразумеваемое в рассуждениях Хоули, которые предполагают вывод из «теоретического ядра» науки. Литтл подразумевает плюрализм и индивидуальное исследование социальной онтологии в каждом отдельном случае, а Хоули — монизм в отношении основного набора сущностей и отношений: существуют «базовые» части, применимые повсюду. Литтл отрицает

1 Существует предложение явно социологически формализовать теорию Сёрла и сравнить ее с теориями Дюркгейма, Бурдьё и Гидденса [McCaffree 2018].

возможность такой полной социальной онтологии, которая могла бы служить основой для социально-научных теорий и которая бы подсвечивала истинную природу вещей. По его словам, у социальной реальности нет такой «природы», то есть нет «атомов» или фундаментальных элементов¹. Литтл также отрицает идею о том, что может существовать окончательный список сущностей, из которых состоит социальный мир и в терминах которого следует переформулировать все известные социальные научные концепции². Другими словами, реализм Литтла гораздо слабее научного реализма, подразумеваемого Хоули: это два разных понимания одного и того же термина, поэтому для Литтла нет сложности в приспособлении реализма к социальной онтологии.

130 Можно ли быть научным реалистом в отношении социальных видов, и что для этого нужно? Думаю, да, но необходимо определить, что означает независимость от разума. Есть несколько вариантов. Можно следовать за Россом [Ross 2008] и Кинкейдом [Kincaid 2008] и поддержать структурный реализм, который в зависимости от его версии, онтической или эпистемической, утверждает, что все, что существует, или все, что мы можем знать, является модальной структурой мира соответственно [Ladyman et al. 2007; Worrall 1989]. Кинкейд [2008] защищает тезис о том, что структурный реализм уже реализован в социальных науках. Он говорит, что социологическое понятие социальной структуры, предполагающее отношения между ролями и позициями, а не между индивидами, и понятие аргументов равновесия, обсуждаемое Собером, являются примерами структурных отношений [Sober 1983]. Однако, как утверждает Кинкейд, социальные структурные отношения носят не причинный, а концептуальный характер. Роли и институты определяются друг с другом. Например, профессора — это ученые, которые преподают в университетах, а университеты — это места, где студенты учатся у профессоров. В данном случае «структура» — это не модальная структура мира, а скорее отношение между понятиями и физически реализуемыми сущностями в мире. В этом случае независимость социальных явлений от разума не обсуждается напрямую, но признается через понятие социальных структурных отношений как концептуальных, а не причинных. Кинкейд использует математическое понятие структурной эквивалентности, чтобы показать,

---

1 Как я предположил в другом месте [Shevchenko 2023], рекурсивный процесс координации, описанный теорией игр, может быть этим общим принципом «разрезания социального мира на стыки».

2 В отличие от Литтла, Тёрнер предлагает элиминативистский взгляд на социальную онтологию и предлагает переопределить социологические концепции в нейробиологическом словаре [Turner 2018; Turner 2019].

что, например, социальные роли «арендодателя» и «квартиросъемщика» не зависят от конкретных физически реализованных характеристик индивидом. Эти отношения могут существовать между любыми взятыми индивидами, они структурно эквивалентны. Однако эти отношения не репрезентируют модальную структуру мира, поскольку «арендодатели» и «квартиросъемщики» — не естественные виды и зависят от существования людей и их социальных ролей. Иначе говоря, это различие наводит на мысль о критериях «реальности» структур в понимании Кинкейда.

Другой вариант решения этой проблемы предлагает Гуала [2016, ch. 12]: социальные виды не являются строго независимыми от разума, как в «правильном» научном реализме, а во многом зависят от наших представлений о них. Он серьезно относится к идее Хакинга [1999] о рефлексивных петлях и социальных видах как интерактивных видах и утверждает, что причинная зависимость социальных видов от репрезентаций не исключает реализма. Причинная зависимость означает, что наши представления о социальных видах влияют на их природу. Но будет ли это подразумевать антиреализм и антифаллибилизм в отношении социальных типов? Гуала говорит «нет», поскольку его социальные виды являются не только продуктом наших представлений о них, как это происходит в «Стандартной модели», обсуждавшейся ранее, но также и продуктом повторяющихся поведенческих закономерностей, фиксируемых как равновесия стратегических игр, исследуемых теорией игр. Поскольку подход Гуалы использует аргументы равновесия, он также касается структуры и, с точки зрения Кинкейда, рассматривает процесс возникновения концептуальных отношений посредством социальной координации. Однако следующим натуралистическим шагом будет вопрос: каковы причинные механизмы возникновения концептуальных или институциональных отношений и социальных ролей?

Более радикально, Гинтис [2007, 2009, 2013] утверждает, что социальные и поведенческие науки могут быть объединены на основе теории игр, которая выступает в качестве искомого «ядра». Он утверждает, что теория игр — это «универсальный лексикон жизни», поскольку она «позволяет точно сформулировать значимые эмпирические утверждения, но не накладывает никакой конкретной структуры на прогнозируемое поведение» [2007: 8]. Однако есть серьезные сомнения в общей применимости теории игр [Guala 2006]. Кроме того, по мнению Тёрнера [Turner 2007], социальная теория требует «разумных» (sane) ограничений: она должна быть физически, вычислительно и когнитивно реалистической. Это означает, что ее понятия и объяснения должны быть основаны на физически реализуемых когнитивных механизмах и поддаваться вычисли-

тельной обработке. Теория игр в этом смысле охватывает только вычислительно управляемый аспект. Все это означает, что такое «ядро» можно собрать с большим вниманием к натуралистическим ограничениям.

Натуралистические ограничения для вывода к социальной онтологии

Кажется, что вывод к наилучшему объяснению в социальной онтологии требует более явного обращения к натуралистическим компонентам такой онтологии. В частности, к тем, что касаются причинной зависимости социальных видов от наших убеждений. Но как это объяснить?

По мнению Тёрнера [Turner 2007], социальная теория в значительной степени опирается на и щедро использует менталистские и когнитивные понятия вроде «значения», «убеждения», «коллективных представлений» и тому подобных, но в то же время она минимально обращается к реальной когнитивной науке и использует эти понятия лишь метафорически. «Разумные» ограничения физического, вычислительного и когнитивного реализма в социальной теории означают, что понятия и объяснения социальных наук должны быть основаны на физически реализуемых когнитивных объектах и быть вычислительно поддающимися обработке. Тёрнер, опираясь на Гуалу [Guala 2016], который обсуждает возможность достижения равновесия в стратегической игре без явного предварительного соглашения с помощью физического маркера, который он называет «фокальной точкой», схематично соединяет области совместного внимания (joint attention), фокальных точек, коррелированного равновесия и социальной координации и предлагает идею, что «мы можем думать о реальных обществах как о состоящих из множества фокальных точек, которые являются предметом совместного внимания различных пересекающихся групп, как о распределенном, а не централизованном источнике множества способов координации» [Turner 2018: 209]. Таким образом, он делает предварительные шаги к удовлетворению собственных теоретических ограничений. И если можно сказать, что теоретико-игровые объяснения координации являются вычислительно реалистическими в их описании достижения и поддержания равновесия в стратегических играх, то есть посредством индуктивного обучения [Vanderschraaf 2001], два других требования остаются неудовлетворенными.

Спербер [Sperber 2011] строит свою социальную онтологию на идее когнитивного реализма, что теоретически удовлетворяет реалистическому критерию Тёрнера: он предлагает натуралисти-

ческую механистическую социальную онтологию, основанную на эпидемиологии репрезентаций [Sperber 1996]. Он рассматривает социальное как агрегат субличностных социально-когнитивных причинных цепочек, преимущественно «состоящих» из репрезентаций реальности. Социальные явления, по Сперберу, представляют собой «причинные цепочки психических событий внутри людей и событий в их общей среде» [2011: 71]. Онтологическое предложение Спербера ограничено, ведь поскольку оно рассматривает социальные сущности вроде институтов как иерархически вложенные наборы стабилизированных представлений и поведений, оно не рассматривает (1) зависимость социальных объектов от представлений, (2) причинное возникновение этих представлений и (3) нормативную силу этих представлений. Более того, идея Спербера о стабилизации содержания репрезентаций как основного онтологического механизма и объяснительной цели натуралистической социальной науки весьма близка формальным натуралистическим теориям значения и репрезентации, опирающимся на эволюционную теорию игр и удовлетворяющим критериями исчислимости и когнитивного реализма [см.: Hagms 2004]. Это означает, что подход Спербера также является неполным и не может использоваться в качестве единственного источника искомого «ядра», из которого можно логически вывести социальную онтологию.

Саркия и коллеги [Sarkia et al. 2020] предлагают концепцию разделения труда между учеными-когнитивистами и социологами, изучающими социальные явления, которая основана на механистической философии науки [Craver & Darden 2013; Glennan 2017]. Основная идея заключается в том, что механизмы явлений состоят из сущностей, «чья деятельность и взаимодействия организованы так, чтобы нести ответственность за явление» [Glennan 2017: 17]. Опираясь на идеи Бехтеля [2009] о механистическом объяснении в когнитивной науке, авторы предполагают, что такие объяснения можно дать, ответив на четыре вопроса:

1. Что это за явление?
2. Из каких сущностей и процессов оно состоит?
3. Взаимодействия каких сущностей способствуют этому явлению?
4. Какова среда, в которой находится механизм, и как она влияет на его функционирование?

Разделение труда, утверждают авторы, достигается путем ответа на различные группы вопросов Бехтеля. Эволюционные антропологи и психологи развития (developmental psychologists) отвечают на первый и четвертый из них, изучая ключевые различия между когнитивными способностями человека и человекообразных обезьян, а также развитие уникально человеческих свойств в ходе онто-

гене́за человека. В свою очередь, ученые-когнитивисты отвечают на второй и третий вопросы, определяя конкретные когнитивные механизмы, например, вовлечение и аффордансы общих объектов¹. Кроме того, Саркиа и его коллеги выдвинули идею о том, что социологи могут заняться дополнительными вопросами, выходящими за рамки предложенных Бехтелем, а именно сложными социальными сетями, возникающими в результате социальной координации.

Кроме того, Игнатоу [Ignatow 2014] предполагает, что для дальнейшего развития социологической теории (чтобы мы могли вывести из нее онтологию) необходимо учитывать последние достижения как когнитивных, так и вычислительных наук. Для этого, утверждает он, сначала необходимо занять определенную позицию в философских дебатах социальных наук относительно онтологии. Он предлагает, чтобы онтология когнитивной социологии была одновременно реалистической и конструктивистской, поскольку экспериментальные методы, такие как магнитно-резонансная томография, выявляют реальные явления, которые используются для объяснения того, как люди интерпретируют социальный мир и ориентируются в нем. Онтологические и эпистемологические позиции когнитивной социологии, по мнению Игнатоу, совместимы с различными версиями философского реализма, в частности с «реалистическим конструкционизмом» Элдера-Васса [Elder-Vass 2007] и «натурализованным» критическим реализмом без метафизики Кайдесоя [Kaidesoja 2013].

134

Аналогичным образом, обсуждая интеграцию когнитивных и социальных наук, Кайдесоя и соавторы, вслед за Саном [Sun 2012] и Блохом [Bloch 2012], предполагают, что когнитивные объяснения обосновывают и ограничивают социальные. Это означает, что когнитивные объяснения онтологически более фундаментальны, а социальные объяснения частично зависят от когнитивных и супервентны² на них. Кайдесоя называет этот подход «снизу вверх»

-
- 1 Вовлечение — это процесс социальной моторной координации, который синхронен во времени. Например, люди аплодируют в театре. Общая доступность объекта — это возможность действия объекта. Если агенты имеют схожий репертуар действий, они могут участвовать в спонтанно возникшей координации относительно определенного объекта. Сопоставление восприятия и действия — это процесс сопоставления наблюдаемых действий и собственного репертуара действий агента [Knoblich 2011].
  - 2 Супервентность — метафизическое отношение между разными «уровнями» реальности, при котором свойства более высокого «уровня» основываются на свойствах более низкого не полностью, а лишь частично. Иначе говоря, это онтологическая зависимость, но не причинная (причина вызывает следствие), а конститутивная (условие возможности).

(bottom-up) из-за его внимания к причинным механизмам, которые лежат в основе и обеспечивают возникновение конкретных явлений. В то же время они критикуют подход Гинтиса к интеграции поведенческих наук посредством теоретико-игровой унификации [Gintis 2007, 2009] за неспособность объяснить причинные механизмы и за сильную зависимость от модели рационального актора, которая подразумевает «экономический империализм» [Mäki 2009]. Основное теоретическое утверждение Гинтиса в этом контексте заключается в том, что модель рационального актора и теория игр, модифицированные с учетом развитой природы человеческой психологии и социокультурной теории норм, рассматриваемых через призму теории игр, обеспечивают единую основу моделирования поведения. Кайдесоя и его коллеги называют этот подход «сверху вниз» (top-down) из-за его акцента на встраивании явлений, изучаемых в поведенческих науках, таких как социология, психология и антропология, в общую теоретическую структуру теории игр, чтобы понять их. Что касается подходов, обсуждаемых Кайдесоя и его коллегами, то подходы «сверху вниз» и «снизу вверх» лишь частично удовлетворяют ограничениям Тёрнера.

Чтобы удовлетворить вычислительным, когнитивным и физическим критериям теоретического ядра социальной науки, на основе которого можно построить онтологию, необходимо обратиться к концептуальным ограничениям теории игр и подтолкнуть ее к эволюционным объяснениям когнитивных способностей, ответственных за социальное познание. Эти ограничения подразумевают понятие рациональности, но не ограничиваются только его экономическим, или инструментальным, значением. Понятия «оптимальность» и «эволюционная рациональность» являются ключевыми в этом контексте [Hammerstein & Stevens 2012; Okasha 2017; Okasha & Binmore 2012], поскольку обеспечивают основу для описания социального выбора как явления, управляемого когнитивной оптимизацией, которой способствует естественный отбор. Один из главных аргументов эволюционной теории принятия решений заключается в том, что и эволюционный процесс, и организмы можно рассматривать «как если бы» они были рациональными [Okasha 2018; Okasha & Binmore 2012]. Это означает, что филогенетические характеристики организмов, включая определенное поведение, оптимизируются или приближаются к оптимальным. Однако эта теория не предсказывает, что люди будут целенаправленно оптимизировать что-либо в ходе повседневной жизни. Вместо этого она утверждает, что эволюция налагает ограничения и благоприятствует поведению, ведущему к адаптивным целям.

Тёрнер, в свою очередь, говорит о «пузыре Verstehen» [Turner 2018], который представляет собой веберовскую сферу значимого [Weber

1924]. Его точка зрения заключается в том, что у этого «пузыря» есть биологические и когнитивные условия возможности — зеркальные нейроны отвечают за саму способность эмпатии, которая необходима, чтобы что-то «понять» [Turner 2019]. Моя позиция близка позиции Тёрнера в том, что существует причинная основа социальных явлений, коренящаяся в познании, но она также отличается в том смысле, что меня больше интересует окончательное (ultimate) объяснение влияния познания на социальные явления, тогда как Тёрнер больше заинтересован в проксимальных, потому что ему интересно, как они связаны между собой.

Заключение

136 Выше было изложено несколько соображений для общей натуралистически ограниченной социальной теории, на основе которой можно было бы построить онтологию, которую я более подробно излагаю в другом месте [Shevchenko 2023]. В целом натуралистическая социальная онтология нуждается как в эмпирически успешных формальных теоретико-игровых моделях социальной координации, так и в эволюционно сформированных когнитивных механизмах, объясняющих, как эта координация возможна. Если социальный онтолог-натуралист начинает, как Гуала, с теоретико-игровой части, которая поддерживает реализм в отношении наблюдаемых поведенческих стратегий в равновесии, он наткнется на необходимость когнитивных механизмов, ответственных за это. И если этот онтолог начинает, подобно Сперберу, с когнитивной части, поддерживающей реализм когнитивных состояний и онтологическую редукцию социальных явлений к этим состояниям, то он приходит к необходимости объединяющего механизма, в свете которого связь между этими когнитивными состояниями имеет смысл. Подводя итог, можно прийти к натуралистической социальной онтологии, используя теорию игр как «ядро» социальной науки, дополненное ее когнитивными и эволюционными ограничениями.

Проблему вывода к наилучшему объяснению — нехватку предсказательно сильного теоретического ядра социальной теории, из которого происходит вывод к социальной онтологии — можно решить путем удовлетворения трех критериев Тёрнера: физического, вычислительного и когнитивного реализма. Изучив существующие подходы натуралистической социальной онтологии, мы обнаружили их лакуны и предложили способ удовлетворения этих критериев путём расширения теории игр с помощью когнитивных и эволюционных ограничений агентов. Формальные модели координации вкуче с эволюционными объяснениями когнитивных механизмов,

ответственных за каузальные процессы, делающие формально описываемую координацию возможной, могут послужить искомым теоретическим ядром.

Библиография / References

- Bechtel W. (2009) Looking down, around, and up: Mechanistic explanation in psychology. *Philosophical Psychology*, 22(5): 543–564. <https://doi.org/10.1080/09515080903238948>
- Bicchieri C. (2005) *The Grammar of Society: The Nature and Dynamics of Social Norms*, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511616037>
- Bloch M. (2012) *Anthropology and the Cognitive Challenge*, Cambridge University Press. <https://books.google.com?id=bjfUmDsk2KcC>
- Boyd R. (1991) Realism, Anti-Foundationalism and the Enthusiasm for Natural Kinds. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 61(1/2): 127–148. <https://www.jstor.org/stable/4320174>
- Boyd R. (2021) Rethinking natural kinds, reference and truth: Towards more correspondence with reality, not less. *Synthese*, 198(12): 2863–2903. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02138-4>
- Boyd R. N. (1983) On the Current Status of the Issue of Scientific Realism. In C. G. Hempel, H. Putnam & W. K. Essler (Eds.) *Methodology, Epistemology, and Philosophy of Science: Essays in Honour of Wolfgang Stegmüller on the Occasion of His 60th Birthday, June 3rd, 1983* (pp. 45–90). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-94-015-7676-5_3
- Bunge M. (1993) Realism and antirealism in social science. *Theory and Decision*, 35(3): 207–235. <https://doi.org/10.1007/BF01075199>
- Chakravartty A. (2007) *A metaphysics for scientific realism: Knowing the unobservable* (1. publ), Cambridge University Press.
- Craver C. F. & Darden L. (2013) *In Search of Mechanisms: Discoveries across the Life Sciences*, University of Chicago Press. <https://books.google.com?id=ESI3AAAAQBAJ>
- Elder-Vass D. (2007) A Method for Social Ontology: Iterating Ontology and Social Research. *Journal of Critical Realism*, 6(2): 226–249. <https://doi.org/10.1558/jocr.v6i2.226>
- Epstein B. (2015) *The ant trap: Rebuilding the foundations of the social sciences*, Oxford University Press.
- Fararo T. J. (1989) *The meaning of general theoretical sociology: Tradition and formalization*, Cambridge University Press.
- Gallotti M. (2012) A Naturalistic Argument for the Irreducibility of Collective Intentionality. *Philosophy of the Social Sciences*, 42(1): 3–30. <https://doi.org/10.1177/0048393111426864>
- Gilbert M. (1992) *On Social Facts*. Princeton University Press. <https://books.google.com?id=yYvcDwAAQBAJ>
- Gintis H. (2007) A framework for the unification of the behavioral sciences. *Behavioral and Brain Sciences*, 30(1): 1–16. <https://doi.org/10.1017/S0140525X07000581>

- Gintis H. (2009) *The bounds of reason: Game theory and the unification of the behavioral sciences*, Princeton University Press.
- Gintis H. & Helbing D. (2013) Homo Socialis: An Analytical Core for Sociological Theory. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2362262>
- Glennan S. (2017) *The New Mechanical Philosophy* (Vol. 1), Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198779711.001.0001>
- Guala F. (2006) Has Game Theory Been Refuted? *The Journal of Philosophy*, 103(5): 239–263. <https://www.jstor.org/stable/20619937>
- Guala F. (2007) The Philosophy of Social Science: Metaphysical and Empirical. *Philosophy Compass*, 2(6): 954–980. <https://doi.org/10.1111/j.1747-9991.2007.00095.x>
- Guala F. (2016) *Understanding institutions: The science and philosophy of living together*, Princeton University Press.
- Hacking I. (1999) *The Social Construction of What?* Harvard University Press. <https://books.google.com?id=XkCR1p2YMRwC>
- Hammerstein P. & Stevens J. R. (Eds.). (2012) *Evolution and the mechanisms of decision making: Forum, which was held in Frankfurt am Main, from June 19–24, 2011*, MIT Press.
- Harms W. F. (2004) *Information and Meaning in Evolutionary Processes*, Cambridge University Press. <https://books.google.com?id=zt199e9ugtAC>
- 138 Haslanger S. A. (2012) *Resisting reality: Social construction and social critique*, Oxford University Press.
- Hawley K. (2018) Social Science as a Guide to Social Metaphysics? *Journal for General Philosophy of Science*, 49(2): 187–198. <https://doi.org/10.1007/s10838-017-9389-5>
- Ignatow G. (2014) Ontology and Method in Cognitive Sociology. *Sociological Forum*, 29(4): 990–994. <https://doi.org/10.1111/socf.12131>
- Kaidesoja T. (2013) *Naturalizing Critical Realist Social Ontology* (0th ed.), Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203753484>
- Kaidesoja T., Sarkia M. & Hyyryläinen M. (2019) Arguments for the cognitive social sciences. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 49(4): 480–498. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12226>
- Kincaid H. (2008) Structural Realism and the Social Sciences. *Philosophy of Science*, 75(5): 720–731. <https://doi.org/10.1086/594517>
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D. & Collier J. (2007) *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*, OUP Oxford. <https://books.google.com?id=khBREAAQBAJ>
- Lauer R. (2019) Is Social Ontology Prior to Social Scientific Methodology? *Philosophy of the Social Sciences*, 49(3): 171–189. <https://doi.org/10.1177/0048393119840328>
- Law J. (2004) *After Method: Mess in Social Science Research*, Psychology Press. <https://books.google.com?id=E20X7N0nBfQC>
- Little D. (2020) Social Ontology De-Dramatized. *Philosophy of the Social Sciences*, 51(1): 13–23. <https://doi.org/10.1177/0048393120916145>
- Lohse S. (2017) Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice. *Philosophy of the Social Sciences*, 47(1): 3–27. <https://doi.org/10.1177/0048393116654869>

- MacKenzie D. A. (2006) *An engine, not a camera: How financial models shape markets*, MIT Press.
- Mäki U. (2009) Economics Imperialism: Concept and Constraints. *Philosophy of the Social Sciences*, 39(3): 351–380. <https://doi.org/10.1177/0048393108319023>
- McCaffree K. (2018) A sociological formalization of Searle's social ontology. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 48(3): 330–349. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12172>
- Mol A. (1999) Ontological Politics. A Word and Some Questions. *The Sociological Review*, 47: 74–89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1999.tb03483.x>
- Okasha S. (2017) *Biology and the Theory of Rationality*. <https://doi.org/10.1017/9781107295490.009>
- Okasha S. (2018) *Agents and goals in evolution* (First edition), Oxford University Press.
- Okasha S. & Binmore K. (2012) *Evolution and Rationality: Decisions, Co-operation and Strategic Behaviour*, Cambridge University Press. <https://books.google.com?id=vkq2RzRox8C>
- Psillos S. (1999) *Scientific Realism: How Science Tracks Truth* (0th ed.), Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203979648>
- Rakoczy H. & Tomasello M. (2007) The Ontogeny of Social Ontology: Steps to Shared Intentionality and Status Functions. In S. L. Tsohatzidis (Ed.) *Intentional Acts and Institutional Facts: Essays on John Searle's Social Ontology* (pp. 113–137), Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6104-2_5
- Ross D. (2008) Ontic Structural Realism and Economics. *Philosophy of Science*, 75(5): 732–743. <https://doi.org/10.1086/594518>
- Sarkia M., Kaidesoja T. & Hyyryläinen M. (2020) Mechanistic explanations in the cognitive social sciences: Lessons from three case studies. *Social Science Information*, 59(4): 580–603. <https://doi.org/10.1177/0539018420968742>
- Searle J. (1995) *The Construction of Social Reality*, Simon and Schuster. <https://books.google.com?id=zrLQwJCCoOsC>
- Searle J. R. (2008) Language and social ontology. *Theory and Society*, 37(5): 443–459. <https://doi.org/10.1007/s11186-008-9068-y>
- Shevchenko V. (2023) Coordination as Naturalistic Social Ontology: Constraints and Explanation. *Philosophy of the Social Sciences*, 00483931221150486. <https://doi.org/10.1177/00483931221150486>
- Sober E. (1983) Equilibrium explanation. *Philosophical Studies*, 43(2): 201–210. <https://doi.org/10.1007/BF00372383>
- Sperber D. (1996) *Explaining culture: A naturalistic approach*, Blackwell.
- Sperber D. (2011) A naturalistic ontology for mechanistic explanations in the social sciences. In P. Demeulenaere (Ed.) *Analytical Sociology and Social Mechanisms* (pp. 64–77), Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511921315.004>
- Sun R. (2012) *Grounding Social Sciences in Cognitive Sciences*, MIT Press. <https://books.google.com?id=Dd3xCwAAQBAJ>
- Tuomela R. (2002) *The Philosophy of Social Practices: A Collective Acceptance View* (1st ed.), Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511487446>

Turner S. (2018) *Cognitive Science and the Social: A Primer* (1st ed.), Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351180528>

Turner S. (2007) Social Theory as a Cognitive Neuroscience. *European Journal of Social Theory*, 10(3): 357–374. <https://doi.org/10.1177/1368431007080700>

Turner S. (2019) Verstehen Naturalized. *Philosophy of the Social Sciences*, 49(4): 243–264. <https://doi.org/10.1177/0048393119847102>

Vanderschraaf P. (2001) *Learning and coordination: Inductive deliberation, equilibrium, and convention*, Routledge.

Weber M. (1924) *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik*, Mohr.

Worrall J. (1989) Structural Realism: The Best of Both Worlds? *Dialectica*, 43(1-2): 99–124. <https://doi.org/10.1111/j.1746-8361.1989.tb00933.x>

Валерий Сергеевич Шевченко — преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, аспирант Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: философия социальной науки, философия когнитивной науки, социальная онтология, эволюционная теория игр. ORCID: 0000-0001-5040-8897. E-mail: valerii.s.shevchenko@gmail.com

140

Valerii S. Shevchenko — lecturer at the Faculty of Social Sciences at the Moscow School of Social and Economic Sciences, postgraduate student at the School of Philosophy and Cultural Studies at the Higher School of Economics. Research interests: philosophy of social science, philosophy of cognitive science, social ontology, evolutionary game theory. ORCID: 0000-0001-5040-8897. E-mail: valerii.s.shevchenko@gmail.com